

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
КАК ФЕНОМЕН
КУЛЬТУРЫ:
САЛЬВАДОР ДАЛИ**

Личность – многоплановое, многоуровневое образование, она развивается через вхождение в систему общественных отношений, которые детерминируют социально-психологическое развитие человека, системно осмысливаются. Субъективные особенности каждого индивида, его индивидуальность, неповторимость проявляются, прежде всего, в поведении, в деятельности. В психологии выделяется три уровня развития личности. На первом уровне субъект еще недостаточно адекватно осознает свои истинные побуждения; на втором – личность выступает как субъект, сознательно соотносящий цели и мотивы действий, намеренно формирует ситуации своего поведения; на третьем – личность становится субъектом своего жизненного пути, который она сознательно измеряет масштабами исторического времени эпохи. Таким образом, формирование личности – длительный процесс социализации индивида, особо важную роль здесь играет языковая культура. Интерес к языку и речи вызван многими причинами, поскольку это импульс, способный стимулировать объединение общества, укрепить его коммуникативный базис.

В современной лингвистике весьма актуальной становится формула «язык + человек = речь». Она совмещает в себе онтологические, гносеологические, филологические и психологические аспекты. Вместо отвлеченных категорий, которые характеризовали явления языка вне контекста их преломления в сфере собственно личностного осмысления и интерпретирования, пришло понятие «речевая личность». Правоммерно использовать несколько преобразованную формулу «язык + личность = речевая личность». При этом стоит особо отметить, что лингвистической свободой обладает далеко не каждый. Напомним, что, по сути, главной целью образования является формирование «сильной» языковой личности, структура которой включает в себя:

- способность мыслить самостоятельно, без ориентации на авторитет;
- богатый словарный запас и стремление постоянно его пополнять;
- владение алгоритмами речевого поведения (к чему сводится главная задача риторики).

Речевые интенции и их актуализация во многом зависят от социального положения человека, от отношения к нему в данном обществе. Личностью индивид становится, а не рождается, и в процессе социализации лингвистический потенциал и лингвистическая свобода каждого члена общества свобода играют одну из главных ролей.

Каждый человек – это языковая личность, структура которой «включает в себя три уровня: 1) вербально-грамматический (владение грамматическими резервами языка), 2) когнитивный (семиотические понятия, организующие языковую картину мира) и 3) прагматический (взаимодействие языка и человека)» [1, с. 33], но не у каждого человека эти уровни функционируют равноценно. Нужно также отметить, что истинная речевая личность – всегда лидер. Он никогда не сомневается в своих силах, проявляет настойчивость и непреклонность в любых ситуациях, владеет искусством управлять людьми, не показывая, что ими управляют, никогда не теряет самоуважения, начинать говорить без интереса и внимания слушателей и т.д. Следовательно, настоящая речевая личность просто обязана обладать особыми врожденными, исключительными, экстраординарными качествами. Человек виртуозно владеет словом, своей речью способен оказывать на окружающих сильное, почти гипнотическое влияние и они поддаются его обаянию, готовы следовать за ним.

Попытаемся понять, в чем заключается уникальность речевой личности С. Дали – эпатажного и одиозного, как он сам называл себя, «гения самой разносторонней духовности, истинно современного гения XX века». Многие знакомы с творчеством С. Дали – художника, дизайнера, модельера, режиссера, но как писателя о нем знают далеко не все почитатели его творчества. В произведении «Дневник одного гения» ярко проявляется талант С. Дали-писателя, его умение с помощью Слова находить оригинальное выражение конкретной ситуации, передать читателю свои чувства, настроение, что и представляет собой одну из важнейших черт речевой личности. Еще Аристотель говорил о том, что речь представляет себе судью в слушателе.

Считается, что речевая личность обладает следующими качествами:

«1) способностью влиять на ситуацию общения и достигать запланированного результата посредством эффективного диалога;

2) умением включаться в тематику и стилистику общения, чтобы наиболее острые вопросы

решить без конфликта, – умением исключать конфликт;

3) пониманием собеседника, его устремлений и приоритетов и признанием за ним права на этот выбор, – принятием и пониманием собеседника;

4) умением не перебивать говорящих, не усугублять спора, а, наоборот, конструктивно преодолеть основные проблемы – непременно с учетом ситуации;

5) знанием того, что человек не услышит, если он чего-то не хочет слышать, и не сделает того, чего он не хочет делать, – умением мотивировать собеседника на то, чтобы хотеть совершить какое-либо дело;

6) подготовленным опытом общения и сохраненным в подсознании умением сказать то, что соответствует моменту в психологии собеседников: когда человек долго раздумывает куда поставить ногу, он начинает хромать» [1, с. 36].

Исходя из названных качеств С. Дали, многие считают, что его нельзя назвать речевой личностью в традиционном смысле слова. Он не соответствует некоторым из перечисленных пунктов, проявляя временами своеобразный инфантилизм ценностных ориентаций. Однако, именно в нарушении общепринятых правил и заключается феномен С. Дали как истинно речевой личности.

Во-первых, каким образом С. Дали описывает свое влияние на ситуацию общения в «Дневнике одного гения»: он обычно надевал свои лакированные туфли перед публичным выступлением, поскольку они нестерпимо жали и долго носить их было невозможно. «Порождаемая ими болезненная скованность ступней до предела подстегивала мои ораторские способности. Эта изощренная, сдавливающая боль заставляет меня петь не хуже соловья или какого-нибудь уличного неаполитанского певца...», – писал он [2, с. 11]. Абсурдно? Нелепо? Смешно? Потому что неординарно, необычно, шокирующе.

С. Дали не стремился к какому-то запланированному результату посредством эффективного диалога. Наоборот, он всегда ставил своей целью эпатировать, шокировать публику не только речью, но и внешним видом, своими поступками и всем своим творчеством.

Во-вторых, С. Дали не стремился избегать конфликтов, он намеренно разжигал их и зачастую выходил из них победителем, не боясь ломать стереотипы и шаблоны, все устоявшееся, привычное, традиционное. Его разрыв с сюрреалистами пример тому: «Фанатичный рациона-

лист, я один знал, чего хочу. Я погружусь в мир иррационального не в погоне за самой Иррациональностью... нет, моя цель в другом – я дам бой и одержу «Победу над Иррациональным» [2, с. 20]. С. Дали никогда не умел играть по чужим сценариям. Он был сам по себе. Еретик, который часто (почти всеми) подвергался анафеме.

В-третьих, для С. Дали никогда не было целью принять и понять собеседника, напротив, он хотел сам быть понятым, а если этого не происходило – пусть, кому хуже? «Каждый волен быть сам и давать возможность другим стать теми, чем им заблагорассудится, во всех своих проявлениях и отправлениях, кишечных расстройств и фосфогенных галлюцинациях – хоть моралистом, хоть аскетом, хоть педерастом, хоть копрофагом» [2, с. 38].

С. Дали характеризуется неожиданностью речевого поведения, апеллирует только к своему мнению, не приемля чужого. Гению «все можно, все дозволено».

В-четвертых, перебивать других и усугублять спор, никакого конформизма; быть непохожим на других и гордиться этим – кредо С. Дали. «Сальвадор Дали призван стать величайшей куртизанкой своей эпохи» [2, с. 44]. Ему присуща определенная вербальная агрессия – стремление притеснения, отстранения, желание внушить почтительный трепет словом, речью. Как известно, агрессия бывает созидательная, творческая и деструктивная, разрушающая. Для С. Дали характерна последняя. «Если вы посредственность, то не лезьте из кожи вон, силясь рисовать как можно хуже, – все равно будет видно, что вы посредственность» [2, с. 46], констатирует он.

В-пятых, мотивировать собеседника совершить какое-нибудь дело. «Не страшитесь совершенства, оно вам нисколько не грозит!» [2, с. 84]. Гениальность человека видна сразу, посредственность тоже. Никого не нужно привлекать к искусству, литературе и т.д., настраивать на определенный поиск цели, смысла. Человек должен сам интуитивно, почти мистически чувствовать то, что ему нужно, чего он хочет и к чему он стремится. С. Дали уверен, что такое интуитивное предвидение было присуще ему с детства.

С. Дали нравится критиковать. «Критика – вещь возвышенная. Ею достойны заниматься только гении» [2, с. 231]. Он имеет в виду, конечно, себя и с этим трудно не согласиться.

В-шестых, умение говорить то, что соответствует моменту, что уместно. А самое большое искусство – быть безыскусным, оставаться са-

мым собой. С. Дали так описывал свое триумфальное выступление в Сорбонне, состоявшееся 18 декабря 1955 г. Публика ждала «эпохальных откровений» и «сногшибательных заявлений», которые бы поразили толпу и «я понял, что победа за мной!» [2, с. 204]. «Мне оставалось лишь окончательно оглушить их плодами своих медитаций, изложив свои псевдонаучные идеи», однако эгоцентризм С. Дали всегда главенствует, он продолжает так: «... я вправе был рассчитывать, что они смогут по достоинству оценить новаторский характер и обоснованность моих маниакальных наваждений» [2, с. 206]. В принципе неважно произносить что-то к месту, главное поразить, ошеломить, удивить неожиданностью своих откровений, совсем необязательно давать возможность собеседнику, слушателям, читателям вникнуть в смысл. Кто способен понять, тот поймет, кто не может, ему же хуже.

Парадоксальность мышления С. Дали отражалась в его речи, в его произведениях (прозе и стихах). Наверное, в этом и состоит главный признак речевой личности – знать психологию толпы, интуитивно чувствовать ее эмоциональное состояние, уметь воздействовать на людей, используя свое ораторское мастерство, которым обладает далеко не каждый.

Как известно, внутренний, интимный мир личности – особая сложная система различных способов осмысления ситуаций, в которые она попадает, в которых она участвует, объектом которых она оказывается. Это касается и языковых ситуаций, владения языком. Речевая личность – человек, концептуальная система которого определяется, в соответствии с названными выше структурными уровнями: а) знанием норм и законов языка; б) умением их применять в продуцировании речи; в) способностью общаться и достигать при этом конкретной задачи (коммуникативной целесообразностью).

Правильно пользоваться словами, четко излагать и выражать свои мысли, облекать их в логически стройные формы – дело непростое и доступное далеко не всем. Гений, лидер, вождь и т.д. просто обязан обладать лингвистической свободой, быть искусным оратором – речевой личностью. Для этого необходима постоянная кропотливая работа над собой, над расширением своего словарного запаса, интеллекта, кругозора.

Метод достижения своих успехов С. Дали называет «параноидально-критическим», а паранойя, как известно, сводится к двум маниям – мании величия и мании преследования. Дали, как никто другой, был ярким воплощением

обеих. «В общем и целом мой метод можно было бы определить как строжайшую логическую систематизацию самых что ни на есть бредовых и безумных явлений и материй с целью придать осязаемо творческий характер самым моим опасным навязчивым идеям» [2, с. 281]. Но этот метод работает при условии «...если владеешь нежным мотором божественного происхождения, неким живым ядром, некоей Галой – а она единственная на всем свете» [Там же].

Хотелось бы обратить внимание на то, что для С. Дали единственным человеком, способным понять его, является жена. Он посвящает «Дневник одного гения» ей – «...моему гению, моей победоносной богине Гале Гардиве, моей Елене Троянской, моей Святой Елене, моей блистательной, как морская гладь Гале Галатее безмятежной» [2, с. 6]. Настолько удивительно красиво, необычно, поэтично он выражает свое чувство к Гале, что поневоле завидуешь ей. Стихия языка, которой мастерски владеет С. Дали, подчиняя своей воле и разуму, очаровывает, завораживает, т.е. оказывает фасцинирующее влияние на читателя.

Триединая любовь С. Дали (к искусству, к себе, к Гале) составляет философию его жизни [3], определяет все его творческие достижения и оставляет после себя то неуловимое «послевкусие», которое невозможно забыть в силу харизмы талантливого человека. Оно надолго остается в душе и памяти каждого человека после знакомства с произведениями С. Дали, будь то проза, стихи или картины, режиссерские или дизайнерские работы.

Хотя о режиссерском амплуа С. Дали можно говорить весьма условно. Правильнее исследовать его неординарное, образное мышление, именно оно способствовало провокационным экспериментам С. Дали в кинематографе (с Луисом Бунюэлем) и анимации (с Уолтом Диснеем). Соответственно, короткометражный фильм «Андалузский пес» и мультипликационный фильм – «Destino» («Судьба»).

Язык кинематографа имеет сновидческую природу, то есть оно есть экранизация сновидений. Следовательно, кинематографическая форма, предполагающая динамику изображения, идеально соответствовала языку С. Дали, его живописи, которые во многом строились на логике сновидений.

По воспоминаниям Бунюэля главным принципом их фильма является табу на «любые идеи или образы, которые могли бы иметь рациональное объяснение» [4].

16-минутная немая короткометражка Бунюэля-Дали представляет собой эпатажное и энигматическое высказывание, состоящее из вереницы образов, не складывающихся, как и сон, в единый сюжет: препарирование глаза девушки; облако, разрезающее луну; рука с дыркой, из которой выползают муравьи; мужчина, который надрывно тащит за собой два рояля с мёртвыми ослами и священниками; слепец, ласкающий женские формы, дуэль и т.д.

Эпатаж, провокация, парадоксальность и разрушение канонов – все это С. Дали и Л. Бунюэль заявляют в «Андалузском псе» уже на первом знаменитом кадре разрезания глаза бритвой. Этот кинематографический жест сделан в полном соответствии с речевой и языковой манерой С. Дали: он дефлорирует привычный взгляд зрителя, предлагая ему нечто новое, странное и ужасающе необычное. К тому же кадр с глазом буквально ложится на сюрреалистический манифест Дали, суть которого передает его знаменитая фраза «Моя подруга любит нежность легких разрезов скальпеля на выпуклости зрачка».

В 1960 году Л. Бунюэль сделал озвучку фильма, добавив к сюрреалистическому изображению музыку Вагнера и две мелодии аргентинского танго. В итоге кинематографический текст приобрел более акцентированную интонацию эротизма, юности и смерти (собственно, название картины для ее авторов было посказано известной в Испании поговоркой: «Если умер андалузский пес, значит кто-то умер»).

Фильм Бунюэля-Дали (равно как и его продолжение – «Золотой век») отразил два знаковых явления в культуре начала XX века: модерн и психоанализ. Оба эти явления объединяло стремление заглянуть за границы обыденного, наглядного и очевидного, нащупать ирреальную природу вещей и выразить в слове, образе. И если программным манифестом психоанализа стала работа Фрейда «Толкование сновидений», то культовым произведением кинематографа и сюрреализма стала «экранизация сновидений» Бунюэля-Дали. При этом «Андалузский пес» оказался шире психоаналитического и культурологического контекста. К нему, конечно, можно подходить символически, но в этом случае мы будем уже иметь дело с психоаналитической или культурологической интерпретацией фильма как текста культуры. Свообразие «Андалузского пса» в том, что он не поддается никакому объяснению, он тотально иррационален, а, значит, любая попытка его истолковать превращается в прямолинейность и буквальность, на-

рушая главный замысел и воплощение авторов – достичь в своем произведении полной свободы потока сознания. По сути, фильм Бунюэля-Дали – это попытка создать чистое кинематографическое высказывание, не переводимое на обычный язык – вербальный, литературный, логический, символический. Если и имеет смысл говорить в этой связи о каком-то способе прочтения данного фильма, то это, скорее всего, метод свободных ассоциаций, индивидуальный для каждого зрителя.

Этим же методом ассоциативного погружения открывается и другой сюрреалистический анимационный фильм – «Destino» («Судьба»). В этом совместном произведении С. Дали и У. Диснея полет воображения и свобода ассоциаций становятся еще более запредельными, и, в первую очередь, это происходит благодаря возможностям, которые перед художником открывает сама анимация. Возможности перетекающих форм (вспомним знаменитые мягкие циферблаты С. Дали на картине «Постоянство памяти») позволяют художнику достигать невероятной гибкости пространственно-временных отношений, которую очень сложно получить в игровом и документальном кино, отягощенном инертной предметностью. По существу, «Destino» – анимированная живопись С. Дали, изобразительно-кинетическое высказывание сюрреализма, манифестация мира Дали, мира причудливых воспоминаний, кошмарных сновидений, эротических желаний и волшебных фантазмагорий [5, с. 311].

Как известно, глубинной сутью авангардной живописи и поэзии начала XX века был «параноидальный подрыв реальности». Собственно о чем и говорил Луис Бунюэль, когда подчеркивал, что целью сюрреализма не является создание нового направления в живописи, литературе и философии, а желание и стремление взорвать жизнь, изменить ее привычный ход, вызвать обновление бытия. Его друг Сальвадор Дали сам был воплощением этой цели. Подобно Диогену и Сократу философия Дали поступочная и, вместе с тем, текстовая. В лице Дали мы встречаемся с органичным случаем единства автора и произведения (нечто аналогичное пытался сделать Малевич, ставший не только произведенческим, но и личностным выражением супрематизма). Вербалика Дали, его образ жизни, манеры и мышление были такими же сюрреалистичными, как и его картины.

Мы часто забываем, что в понятии «мыслеречевая деятельность» первой и важнейшей

составляющей является мышление, которое не сводится к интеллекту, разуму и уму. Мышление – это особая способность продуктивного воображения. Как очень точно определил ее Мишель Фуко, это «проблематизация того предела, до которого можно мыслить иначе». Другими словами, это способность выходить за пределы привычного, стандартного (отсюда – нестандартное мышление), стереотипного. Мышление С. Дали и его мыслеречевая манера, его дискурс как личностное парадоксальное высказывание, в значительной степени и были таким мышлением в собственном смысле этого слова. Невозможно стать Диогеном или Буддой, невозможно стать Дали. Единственное, к чему стоит стремиться – стать тем, кто ты есть. Об этом он и говорил так: «Все мои старания всегда были подчинены единственной цели: суметь быть Дали».

В истории культуры можно найти немало примеров персонификации времени, культуры. Если говорить о XX веке, то, безусловно, символом всего столетия мог бы стать Чарли Чаплин, воплотивший на экране собирательный образ «маленького человека», сохраняющего в водовороте потрясений столетия достоинство и человечность. Язык Ч. Чаплина (язык его личности и его киноискусства) – комический балет, сделавший образ Чарли понятным и любимым миллионами зрителей. Личность С. Дали, в большей степени эпатажная, парадоксальная и экстравагантная, чем чья-либо, была манифестацией «переоценки ценностей» в европейском сознании первой половины XX века, а сюрреализм в литературе, живописи и кино (включая его отголоски во второй половине столетия у Феллини). С. Дали как сильная речевая личность стала яркой эстетической реакцией на противоречия, отжившие нормы и лицемерную буржуазность мира.

Наверное, многие гениальные люди именно в силу своей уникальности, оригинальности не подчиняются общим схемам, догмам и правилам, они – девиантные индивидуальности, своего рода «еретики», нон-конформисты в жизни, науке, искусстве. Их нельзя подвести к определенным строгим нормам, отработанным алгоритмам, стереотипным шаблонам, то есть «загнать» в рамки привычного, обычного, обыденного. В этом и заключается их уникальная неповторимость, своеобразие, особый шарм, а, по сути, их харизма – божий дар, милость.

С. Дали признавался, что его сила в оригинальности в парадоксальности. И как необычная языковая личность он навсегда останется неповторимым и «единственным в своем роде».

Литература

- 1 Мурашов А.А. Личность и речь: эпоха кризисов. – М.: изд-во Московского психолого-социального института. – Воронеж: изд-во НПО «МОДЭК», 2005.
- 2 Дали С. Дневник одного гения. – М.: ЗАО изд-во ЭКСМО-пресс, 1999.
- 3 Ким Л.М. Философия жизни Сальвадора Дали / Вестник КазНУ, Серия филологическая. – Алматы: «Казак ун-ті», 2005, №5 (87). – С. 187-190.
- 4 Buñuel. Luis. My Last Sigh. – New York: Knopf, 1983.
- 5 Данилова Г.И. Мировая художественная культура от XVII века до современности. – М.: Дрофа, 2007.

References

- 1 Murashov A.A. Lichnost' i rech': jepoha krizisov. – M.: izd-vo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta. – Voronezh: izd-vo NPO «MODJEK», 2005.
- 2 Dali S. Dnevnik odnogo genija. – M.: ZAO izd-vo JeKSMO-press, 1999.
- 3 Kim L.M. Filosofija zhizni Sal'vadora Dali / Vestnik KazNU, Serija filologicheskaja. – Almaty «Kazak un-ti», 2005, №5 (87). – С. 187-190.
- 4 Buñuel. Luis. My Last Sigh. – New York: Knopf, 1983.
- 5 Danilova G.I. Mirovaja hudozhestvennaja kul'tura ot XVII veka do sovremennosti. – M.: Drofa, 2007.